

НАПИСАНО
НА
РУССКОМ

О Л Ъ Г А
Х Е Й Ф И Ц

Д Е Т С К И Й
Б О Г

МОСКВА
2024

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Х35

Редактор серии *Карина Буянова*

Оформление серии *Алексея Гаретова*

Книга создана при участии бюро «Литагенты существуют»
и литературного агента Уны Харт

Хейфиц, Ольга Валерьевна.

Х35 Детский бог / Ольга Хейфиц. — Москва : Эксмо,
2024. — 320 с.

ISBN 978-5-04-190079-3

14-летний Филипп на даче Гирсов. Александр Гирс – гениальный кардиохирург и начальник отца, Полина — его красавица-жена, а дочь Вика... Вика совершенство! Филипп влюблен, очарован всей семьей, их домом. Но одна ошибка в последний день лета — и этот дом отвергает его.

Филипп годами следит за семьей Гирсов с расстояния. И делает все, чтобы однажды стать ее достойным.

Пройдет 20 лет, и он получит приглашение. В тот самый дом. Только теперь ни он, ни его обитатели не покажутся ему идеальными. Скорее заложниками своих пороков, своих отвратительных тайн. Даже Бог сорвет с себя маску. А потом ловушка закроется.

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Хейфиц О., 2024

© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2024

ISBN 978-5-04-190079-3

*Если хочешь — мы выйдем для общей молитвы
На хрустящий песок золотых островов*

Н. Гумилев

ЧАСТЬ I

Почти стемнело.

Он хотел войти, но так и застыл в дверях. Она раздевалась. Она была как Венера, только ослепительно живая.

Вот она выпрямилась. Увидела его. Ее плечи слегка шевельнулись, но руки продолжали спокойно лежать вдоль обнаженных бедер. Она замерла, и было непонятно, от смелости, от равнодушия или от стыда.

Он задохнулся.

Он знал, что совершает непоправимое. Знал, что впереди лишь невыносимые мучения. И все равно, если бы ему выпал шанс поступить иначе, он снова не смог бы оторвать глаз от ее невинного тела, от ее любимого лица.

Он был проклят, безумен.

Он сделал шаг вперед.

ГЛАВА 1

ВАЛЕНТИНОВКА

Когда мы познакомились с Гирсами, мне исполнилось четырнадцать.

Несколько летних недель мы гостили у них на даче, и эти дни изменили меня навсегда. Сейчас,

после всего, что произошло, не скажу с точно-
стью, смог бы я выбрать другой путь, если бы знал,
что нам предстоит пережить. Или предпочел снова
попасть в эту ловушку судьбы, превратившую мою
жизнь в причудливую фигурку оригами. Не знаю...

Александр Львович Гирс, мой обожаемый учи-
тель, был одним из тех замечательных людей, что
приковывают всеобщее внимание сразу, одним
фактом своего появления. Казалось, он существует
в какой-то гиперболической реальности, словно
гость, прибывший из далекого далека, где все на-
много старше и значительнее, чем здесь. Вполне
вероятно, так оно и было, во всяком случае до того
дня, когда все разрушилось безвозвратно.

Тем летом мы приехали в Валентиновку в са-
мый разгар сезона. И жаркий июль 1995 года на-
всегда завладел моей памятью, как сон, который
снится столь часто, что сплетается с явью.

* * *

Мы с отцом сошли с электрички на станции
Валентиновка.

Справа был лес, слева — теплые рельсы же-
лезной дороги, едва заметно гудящие в пред-
вкушении поезда. Мы спустились с платформы
и направились в сторону поселка.

Валентиновка была дачным местом. Ме-
стом дач. Где дачники были из тех особенных
дачников, что в отличие от простых смертных
творили искусство, вершили законы или, как

Александр Львович Гирс, спасали человеческие жизни.

Помнится, раз ступив на эту землю, я был уверен, что смогу заразиться удачливостью, просто надышавшись здешним воздухом.

Я был готов к приключениям и уже раз сто воображал себе встречу с руководителем отца.

Гирс был врачом. Но не просто врачом, а выдающимся кардиологом, блестящим хирургом, который успешно занимался пересадкой сердца, каким-то там шунтированием и вообще делал самые сложные и редкие операции. Его постоянно вызывали то в Кремль, то за границу, он даже, кажется, бывал в Штатах. На тот момент этой информацией исчерпывалось все, что мне было известно.

Он представлялся мне добрым великаном исключительной породы, чье одобрение и симпатии нужно было заслужить во что бы то ни стало.

Вот и сейчас, слегка тушуясь перед нашим знакомством, я тихонько репетировал: «Очень приятно, Филипп» или «Здравствуйте, я Филипп»...

Дача Гирсов расположилась на улице А. Грина, неподалеку от поселка, принадлежавшего Малому театру, и вообще, по словам отца, вокруг расхаживало множество разных знаменитостей.

Улица Грина оказалась крошечной, зеленой, с вихрастым бурьяном папоротника по краю заросшей канавки водостока. С высоченными

мачтами телеграфных столбов, коричневых, за-дубелых, в россыпи шрамов, оставшихся то ли от срезанных сучьев, то ли от прикосновений чьих-то огромных фантастических пальцев.

Из распахнутой настежь деревянной калитки выскочила собака. Смешной бурый пес с заливистым воплем бросился к нам, брызжа клейкой слюной из-под мохнатых усов.

Я взглянул на отца: он шел спокойно, не сбавляя шага, высоко запрокинув голову, и всматривался куда-то в окна верхнего этажа дома, что стоял за забором.

Двухэтажный дом (типичная советская дача) густого зеленого цвета с южной стороны утопал в зарослях сирени, а северным входом был развернут к нестриженной лужайке. На лужайке располагилась беседка, пронзали воздух несколько сосен, к которым привязали гамак и деревянные качели на канатах.

— Агат! — раздалось откуда-то звонкое. Высокий голос, то ли женский, то ли детский, слышался со стороны калитки.

Пес радостным клубком налетел и закрутился в ногах, пиная меня теплыми наливными бочками. Я наклонился погладить лохматую голову.

— Агат, фу! Как не стыдно! — повторил тот же голос.

Еще не успев оторваться от собаки, даже не разогнувшись, я (помню как сейчас) увидел сначала *сахарные теннисные туфли*, потом *ярко-синие, кажется, шорты... звонкие смуглые*

колени, заостренные и вытянутые вверх... полосу голого живота с круглой ямкой пупка... а над пупком — затянутый на талии белый узел рубашки...

Я поднял глаза и столкнулся с внимательным взглядом девочки. На вид девочка была моей ровесницей и, совершенно точно, принадлежала к какому-то особенному миру. Я понял это сразу.

— Привет, Вика, — сказал отец.

И мне показалось удивительным, как это мой абсолютно обыкновенный папа может быть знаком с ней.

— Здравствуйте, дядя Костя, — очень взрослым открытым жестом девочка протянула руку, а отец протянул свою.

* * *

Сколько бы лет ни прошло, я помню наше знакомство с Викой Гирс и ее семьей, как будто это было вчера. Я и сейчас могу воспроизвести по памяти мельчайшие детали их одежды, голосов, помню произнесенные мимоходом слова, помню запах летнего сквозняка, гуляющего меж окон. А стекло в окнах — старое, слегка оплывшее, и сквозь него весь мир кажется чуть-чуть волнистым. И волнующим.

Комната, доставшаяся нам, находилась в части дома, соединенной с застекленной террасой второго этажа. И по утрам, когда накрывали

к завтраку, за нашей тонкой стенкой звенели чашки, лопались крышки банок с крыжовником и скрипела тахта. А по вечерам окна наливались малиновым закатным солнцем и горели, будто леденцы, пока мы щелкали костяшками домино или резались в дурака.

Я так часто вспоминаю это лето и этот дом, что порой кажется, словно прожил там целую жизнь.

* * *

Дверь открылась, и на крыльцо вышел Гирс. Высокий человек с крупной лысеющей головой и внимательными, чуть навывкате, глазами, темными, как сливы.

Гирс был одет по-домашнему, в полотняные шорты хаки и хлопковую футболку цвета кирпичной пыли. В руках — кухонное полотенце, он вытирал пальцы.

— Костя, ну наконец-то! Проходите! Я мариновал утку, вот... — Его рука, смуглая, очень широкая, взметнулась в воздух в приветственном жесте. Взмахнув полотенцем, он перекинул его через плечо. — Привет, мой дорогой! — Гирс немного неуклюже (я даже испугался, что он поскользнется) шагнул с крыльца и, выбросив вперед чистую ладонь, пожал руку отцу. Потом развернулся ко мне:

— Александр Львович, — сказал он и протянул руку для приветствия. Голос его звучал

упруго, как теннисная подача. Я, кажется, заметно покраснел, стушевался, даже позабыл отрепетированные слова, но все-таки пожал длиннопалую пятерню Гирса, показавшуюся мне мягкой и немного влажной.

— Филипп...

— Ребят, давайте я вам помогу, — с этими словами Александр Львович подхватил увесистую сумку отца, потоптался в дверях и скрылся в доме.

Три ступеньки вверх по крыльцу. Белая крашеная дверь, за ней предбанник. После яркого дневного света мы на мгновение ослепли.

Опасаясь наткнуться на что-нибудь, я изо всех сил напрягал глаза, переступая с ноги на ногу и стараясь привыкнуть к полумраку.

Деревянная обувница, несколько рядов кроссовок, тряпочных тапочек и слепок. Разлапистая вешалка и небольшой комод.

В конце прихожей, судя по всему, был вход на кухню: оттуда доносился соблазнительный запах поджаренного лучка, может, даже со сладкими ровными кружками моркови, и теплый выпуклый аромат жареной картошки. Хлопали дверцы шкафов, слышались женские голоса и таинственный деловитый стук.

— Подожди, сейчас вернусь, — сказала кому-то молодая, очень стройная женщина, появляясь на пороге кухни. — Привет, Костя. — Она улыбнулась отцу, обернулась ко мне: — Привет! Меня зовут Полина, я жена Александра Льво-